

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИСТОРИОГРАФИИ: НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ НОВЫХ СТАРЫХ СЮЖЕТОВ В СКОРИНОВЕДЕНИИ

О. М. Шутова

*Лаборатория скориноведения и валоризации исследований истории и культуры
Беларуси
15 route de Pontoise, 78740 Vaux-sur-Seine, France, olga@shutova. com*

В статье ставится вопрос о преемственности в историографии и анализируются возможные пути разрешения проблем и ошибок, накапливаемых исторической наукой, применительно к скориноведению. Автор анализирует такие «классические» сюжеты скориноведения, как (возможные) знакомство Франциска Скорины с идеями Пико делла Мирандола и путешествие книгоиздателя в Москву. Рассматривается диахрония наследования и интерпретации «Предисловия к 4-й Книге Ездры» в составе Маначинского библейского свода 1575–1577 гг. С другой стороны, анализируется происхождение и генетические связи источников о сожжении книг в Москве в годы правления Сигизмунда I.

Ключевые слова: Франциск Скорина; Маначинский библейский свод 1575–1577 гг.; Инструкция Сигизмунда II Августа 21/02/1553; Войцех Крыски; Андре Тэве; Томас Рэндольф; Джайлс Флетчер.

ON CONTINUITY AND HISTORIOGRAPHY: ON THE EXAMPLE OF SEVERAL NEW OLD SCORES IN SCORING STUDIES

O. Shutova

*The Laboratory for research on Francysk Skaryna and valorization of the Belarusian
Studies,
15 route de Pontoise, 78740 Vaux-sur-Seine, France, olga@shutova. com*

The article raises the question of the continuity in historiography and analyzes the possible ways of solving the problems and errors accumulated in the Skaryna Studies. The author analyzes such classic topics as the (possible) Francysk Skaryna's acquaintance with the ideas of Pico della Mirandola and publisher's trip to Moscow. From the one hand, the article examines the diachrony of inheritance and interpretation of the «Preface to the 4th Book of Ezra» as part of the Manachin corpus of biblical manuscripts (1575–1577). On the other hand, it analyzes the origins and the genetic connections of the sources about the burning of books in Moscow during the reign of Sigismund I.

Key words: Francysk Skaryna; Manachin corpus of biblical manuscripts 1575–1577; Instruction of Sigismund II Augustus 21/02/1553; Wojciech Kryski; André Thevet; Thomas Randolph; Giles Fletcher.

«Практическое» понимание теории истории приходит, видимо, после какого-то времени в профессии. Таким образом «приняла форму» и мысль о том, о чем писал уже давно Хейден Уайт: историк работает со *следами* прошлого, которого *уже нет*, «вставляя» найденные им «следы» в рамку

тех троп, которые свойственны ему как нарративисту согласно своей идеологии. Получается, что не существует истории «самой по себе», «объективной» или свободной от идеологических влияний или нарративных конструкций. Это «дисциплинирование» работы историка состоит не столько в предписаниях того, что должно быть сделано, сколько в исключениях или предписаниях определенных путей отображения исторической реальности. Но что, если, осознавая эти ограничения, мы будем следовать по пути интеллектуальной истории, руководствуясь мыслью о преемственности, наследовании и развитии идей? Данный текст хотелось бы построить именно в русле преемственности и наследования в историографии (понимаемой широко, как Истории идей).

В качестве базы мы хотели бы привести два сюжета, достаточно хорошо известных в скориноведении. Несколько лет назад мы опубликовали текст «“...Абы братия моя русь, люди посполитые, чтучи могли лепей разумети”: пристальное чтение и вопрос о символике Франциска Скорины» [17]. В этом эссе была сделана попытка проанализировать символику «Бивлии русской» Ф. Скорины в контексте тех идей, которые витали в Европе в период Ренессанса, в период конца Quattrocento и начала Cinquecento, в том числе в контексте идей Дж. Пико делла Мирандола о христианской каббале и о создании «prisca theologia» – науки о Знании, которое находило свое воплощение в наиболее выдающихся доктринах античности – платонизме, герметизме, каббале – и, наконец, наиболее полно, в христианстве.

Признаемся, недавно вышедшая статья нашего литовского коллеги С. Ю. Темчина о том, что Предисловие к 4-й Книге Ездры Маначинского библейского свода 1575–1577 гг. было «списано» не с неопубликованной или утраченной книги Скорины, как считалось повсеместно, а с чешской Библии Иржи Мелантриха (Jiří Melantrich z Aventina, 1511–1580) 1556/57 г. [6], стала своего рода шоком для научной общественности. Этот «след», признанный в истории «*фактом*», оказался не принадлежащим Франциску Скорине, что детронизировало утверждение о том, что наш Скорина знал о Пико делла Мирандола. Историки принимали это предположение как утверждение на протяжении столетий (здесь С. Ю. Темчин не совсем точен: процесс «усвоения» его как факта начался не со статьи Т. Н. Копреевой [2], а гораздо раньше, уже в XIX в., и был закреплен авторитетом такого видного скориноведа, как П. В. Владимиров [1]. Впоследствии эта информация стала хрестоматийной и была

растиражирована во всех престижных и фундаментальных изданиях о жизни Скорины, от монографии Е. Л. Немировского [4] до энциклопедических работ 1980-х гг. [8; 9].

Урок об авторстве рукописи из Маначинского библейского свода был болезненным. Как убедительно показывает С. Ю. Темчин, входящее в него Предисловие к 4-й книге Ездры не восходит к тексту Франциска Скорины, и переписчик взял его из чешской Библии Мелантриха 1556/57. В то же время этот «урок» остается открытым, поскольку не отменяет идеи о том, что сам Скорина знал об имени Пико делла Мирандола, поскольку оно фигурирует в чешской Библии 1506 г., изданной в Венеции [18], текстами которой он пользовался [7].

Более того, в «Предословии доктора Франциска Скорины с Полоцька въ Книги перьвые царствъ», где он описывает траектории, по которым человечество приобретало «писма и науку», т. е. Знание, мы находим имя, которое, как нам представляется, до сих пор всерьёз не рассматривалось по отношению к Скорине, а именно – имя Гермеса Меркурия Трисмегиста. Упоминание Скориной этого имени в контексте процесса передачи Знания является эмблематичным, поскольку указывает на тот самый пресловутый ренессансный дискурс, в котором фигура Гермеса Трисмегиста была не просто «модной», но считалась одним из столпов «prisca theologia», а переведенный Марсилио Фичино в 1463 г. «Corpus Hermeticum» был бестселлером книгопечатной продукции²⁶. Добавим к этому фрагменты из текстов, достоверно известных как принадлежащих Ф. Скорине, несмотря на то, что тот, как было принято в эпоху, заимствовал многие из них из других авторитетных источников.

Так, несмотря на сходство скориновской «траектории Знания» с аналогичным отрывком из «Этимологий» Исихора Севильского, где говорится об «авторах законов», мы склоняемся к идее о его заимствовании из платоновского «Тимея», а точнее его перевода руки все того же Марсилио Фичино, боготворившего «нашего божественного Платона», где акцент делается именно на преемственность передачи Знания [19, р. 107, 366, 395]. Да и другой факт упоминания Скориной имени Аристотеля («Кто убо от филозофовъ могъ поразумети Абы господь богъ словомъ своимъ, снизчего сотворилъ вся видимая иневидимая. Старейшине ихъ Аристотелю глаголющу: “Знисчего ничтоже бысть”» [5, л. 8]) говорит не столько об эрудированности или вере

²⁶ Так, в 1471–1641 гг. вышло 24 издания «Pimander, Mercurii Trismegisti liber de sapientia et potestate» («Герметического корпуса»). См.: [22, р. 371].

Ф. Скорины, сколько позиционирует его как неоплатониста в том же направлении, что и М. Фичино, и Дж. Пико делла Мирандола. Эта скориновская фраза, превратившаяся от долгого употребления в своего рода штамп, дает нам следующее прочтение: 1) Скорина не причисляет себя к последователям Аристотеля (они/мы); 2) Скорина против аристотелизма и аверроизма, которые считали невозможным создание богом «видимого и невидимого» из ничего; 3) Скорина, в отличие от Аристотеля, выступает за принцип «ex nihilo», бывший в самом центре жаростных дискуссий между сторонниками Аристотеля (аверроистами) и Платона (в его новом, возрожденчески преобразованном Марсилио Фичино облике). Не случайно эти споры нашли отражение в широко известной фреске «Афинская школа» Рафаэля Санти (1509–1511), где фигуры всех мыслителей сгруппированы вокруг центральных фигур – Платона и Аристотеля. «Бог создал мир из ничего своей бесконечной властью», писал М. Фичино в своем предисловии к «Тимею» Платона [20, р. 82–83].

Идея о «погруженности» Ф. Скорины в ренессансный дискурс косвенно подтверждается и фактом присутствия на защите его докторской степени в Падуе «одного из самых известных философов нашего времени» [25, р. 457] – Марка Антониуса де Януа (Marcus Antonius de Ianua, Маркантонио Дженуа, т. е. из Генуи, или Марко Антонио Пассери, Marco Antonio Passeri, Marcantonio De Passeri, 1491–1563), известного своим подходом, направленным на смягчение антагонизма между аристотелизмом и неоплатонизмом в духе М. Фичино. Присутствие в биографической ленте Франциска Скорины этого имени, а также имен профессора Краковского университета Яна из Глогова (см. аналогичный образ армиллярной сферы на фронтисписе издания Сакробоско: Glogowczyk J. *Introductorium compendiosum in tractatum sphere material Joachanem de Sacrobusto*. Cracovia: Joannis Haller, 1506) и символа греческой учености Сильвия Аматыса Сикулуса (Joannes Silvius Amatus Siculus, ок. 1465–1537) дополняется также смысловыми и текстуальными параллелями с предисловием Николо Малерми (Nicolò Malermi/Niccolo Malerbi, ок. 1422–1481) к первому печатному переводу Библии на итальянский («*Biblia vulgarizata/Bibbia italica*». Venise: Wendelinus de Spira, 1471 г.²⁷).

²⁷ Об очевидных параллелях между предисловием «*Epistola*» Н. Малерми к *Biblia vulgarizata* 1471 г. и «Предисловиями» Ф. Скорины, а также между графическим оформлением итальянской Библии 1490 г. («*Biblia vulgare istoriata*»), изданной в Венеции в 1490 г., и скориновской «Бивлии русской», см.: [13, с. 598–606].

После этого экскурса в «интеллектуальный ландшафт», на котором создавалась скориновская «Бивлия руска», и возвращаясь к нашему эпизоду о Предисловии к 4-й книге Ездры, следует констатировать еще один, маловероятный и забавный, но все же не противоречащий контексту аспект: несмотря на то, что рукопись Маначинского свода была переписана с чешской Библии 1556/57 гг., сохраняется, пусть и, повторимся, невероятная, но возможность того, что сам Иржи Мелантрих и его помощники, которые и в 1549, и в 1557 годах правили свой текст по венецианской Библии 1506 г., располагали рукописью Франциска Скорины, оставленной им в типографии Северина, и именно на основании скориновского текста внесли изменения, которые затем отразились на копии из Маначинского свода. Не потому ли Скорина не смог напечатать остальные книги Ветхого и Нового Заветов (хотя уверенно собирался их издать, поскольку заявлял в «Предисловии во всю Бивлию рускаго языка», что уже это сделал), утерав / оставив свои рукописи-переводы в пражской типографии Северина?

Представляется, что сравнение и поиск источников, которыми пользовался Ф. Скорина и чешские издатели, должны продолжаться, тем более, что определенный интерес представляет сравнение их художественного оформления. Так, в Библии, изданной И. Мелантрихом в 1556/57 гг., мы находим изображение Самсона (конечно, на совершенно ином художественном типографском уровне, учитывая, что с момента публикации Скорины прошло 50 лет), которое, возможно, было вдохновлено именно скориновским «Самсоном всеильным» (характерные дубовые листья в отличие от классического аканта, у Скорины превращены в волосы Самсона, а в Библии Мелантриха украшают голову героя в качестве венка).

Любопытным представляется и то, что известие Вацлава Гаека из Либочан о смерти сына Франциска Скорины в пожаре, было напечатано в типографии Бартоломея Нетолицкого [3, с. 128–149; 10, с. С. 208, 505], где чуть позже выйдет чешская Библия И. Мелантриха.

Сегодня мы не можем с уверенностью утверждать, что эти разрозненные фрагменты свидетельствуют о непосредственных взаимовлияниях, однако они представляют важные детали, которые составляют общую картину преемственности и перетекания идей в интеллектуальном пространстве ренессансной Европы.

Еще одним аспектом такого «связанного» восприятия эпохи являются свидетельства, рассеянные в европейских источниках, об эпизоде

сжигания книг в Москве. Современная историография, говоря собственно о Ф. Скорине, ограничивается 1550-ми годами²⁸. Это представляется логичным, если проводить границу по дате смерти издателя [3]. Между тем, документы, созданные позднее, но рассмотренные в перспективе преемственности идей, могут иметь серьезный потенциал, чтобы пролить свет на его деятельность ещё при жизни.

Очень кратко остановимся на трех свидетельствах, которые более полно проанализированы в нашей новой статье, выходящей в материалах XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития», которая организована Национальной академией наук Беларуси и Российской академией наук и будет проходить в Москве 24–25 ноября 2021 г.

Первое из них – это фрагмент из сочинения «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres» известного французского космографа Андре Тэве (André Thevet, 1516–1590), которое было создано в 1584 г. и, казалось бы, является нерелевантным по отношению к Ф. Скорине²⁹. Мы уже показывали, что если рассмотреть это свидетельство в *его целостности*, то выясняются следующие факты: информатором А. Тэве был английский дипломат сэр Томас Рэндольф (Thomas Randolph (1523–1590), который был в Париже (со специальными миссиями в 1573 и 1576 гг.) и в 1576 г. передал Тэве информацию о сжигании книг в Москве (Тэве ошибся, когда сказал, Рэндольф был *в течение* 7 лет послом в Москве – на самом деле, посольство Рэндольфа в Москву состоялось в 1568–1569 гг., 7 лет *назад* (от 1576 г.).

Далее, практически идентичный рассказ мы встречаем в еще более позднем источнике – трактате Джайлса Флетчера (Giles Fletcher, the Elder, 1548–1611) «О государстве Русском» («Of the Russe Common Wealth. Or, Maner of gouvernement of the Russe emperour, (commonly called the Emperour

²⁸ Так, недавняя хрестоматия «Францыск Скарына ў дакументах і сведчаннях», 2020 г. останавливается на 1553 г. (Инструкция 21/02/1553 Войцеху Крыскому), приводя затем лишь документы о жизни его потомков.

²⁹ До недавнего времени в белорусской историографии была распространена ошибочная идентификация этого отрывка как взятого из другого труда Тэве – La Cosmographie universelle. Paris: G. Chaudier, 1575. В 1584 г. Андре Тэве издал «Les vrais portraits de hommes illustres» («Истинные портреты известных людей») в 8 томах. Именно в этом произведении, в главе 56, посвящённой московскому царю Василию, Тэве приводит сюжет о сожжении в Москве «русских шрифтов». Путаница произошла тогда, когда в 1858 г. князь О. Голицын издал в Париже книгу под названием «Cosmographie Moscovite par André Thevet, recueillié et publiée par le prince Augustin Galitzin». Книга представляет собой компиляцию отрывков из «Cosmographie universelle» 1575 г., касающихся рутенских, литовских и московских земель. Единственная глава, которую Голицын добавил в свою публикацию, помимо «Универсальной космографии», взята из *другого* труда А. Тэве, а именно, из «Истинных портретов знаменитых людей» 1584 г. См.: [12].

of Moskouia) with the manners, and fashions of the people of that countrey») 1591 г. Мы уже показывали, что о факте сжигания книг Флетчер, очевидно, узнал не «на месте», в Москве, но эту информацию ему передал ранее Рэндольф, который близко его знал, некоторое время был его непосредственным начальником и даже рекомендовал его для дипломатической миссии в Москву (1588–1589 гг) [12]. Такая передача информации была не случайной – будущие участники экспедиций тщательно готовились еще в Англии, а сам факт сжигания книг был экстраординарным и поэтому заслуживающим интереса.

Остается выяснить, каким образом это свидетельство попало в дискурсивное пространство англичан, готовившихся к путешествию в Московию. В этой связи мы обратили внимание как раз на тот источник, которым заканчивается Хрестоматия 2020 г., приводящая документы, непосредственно связанные со Скориной, – Инструкцию от 21/02/1553 польского короля Сигизмунда II Августа Войцеху Крыскому (Wojciech Kryski / Crisski / Krisski), отправленного в Рим к Святому престолу (*Instructio legati ad cuius præscriptum generosus Albertus Kriski*) [10, с. 225–237; 14].

Опускаем детали и детективный сюжет истории, которая начинается в конце ноября – начале декабря 1552 г. с рекомендательного письма Сигизмунда Августа, выданного Войцеху Крыскому и инструкции, датированной июнем 1552 г. для его дипломатической миссии в Рим [26, с. 342–345]. Войцеху Крыскому было всего 22 года, когда король выбрал его, прошедшего свою юность в Италии и получившего блестящее образование в Болонье и Падуе [10, с. 357; 21, с. 143–145] для этой миссии, которая по мере развития событий оказывалась все более важной и деликатной. Первоначально речь шла о «*de religione*» и «*de annatis*» (налоги в *Camera Apostolica*), но к началу 1553 г. миссия Крыского приобрела новое измерение и масштаб, связанные с известными претензиями Ивана IV на королевский титул и сопутствующими интригами, поддержанными Карлом V Габсбургом перед папским престолом в обмен на обещанный московским царем союз против турок и обращение в католичество.

В этом контексте появляется довольно объемная корреспонденция польского короля «в догонку» своему послу в Риме, результатом которой и является исторически важный для нас документ – Инструкция от 21/02/1553, в которой Сигизмунд Август приказывает, чтобы В. Крыски выступил с протестом *publice et sollemnitor*, в соответствии с формулировкой, которую вез гонец [14; 26, р. 345]. В этой инструкции, в

качестве одного из аргументов против химерной идеи союза Рима с московским владыкой, и появляется старая история о сжигании книг *lingua Russica imprimi* в Москве, привезенных туда подданным Сигизмунда I.

Этот документ Крыски получил в Риме в первой половине марта 1553 г. [26, s. 345] и выполнил с лихвой поручения своего короля. Он покинул Рим 8/05/1553 [26, s. 347] и уже 12 января 1554 г. за успех своей миссии получил Добрыньское староство.

В скором времени, 1 марта 1555 г., Сигизмунд Август пишет, что отправляет своего секретаря в Англию ко двору Марии Тюдор. В соответствующих инструкциях³⁰ король дает задание Крыскому наладить союзнические отношения, главным образом, против Турции [16, f. 359r] и Московии³¹ [16, f. 359v–360r]. Роль Крыского состояла также в том, чтобы донести до Марии Тюдор и Филиппа негативный эффект от торговли Московской компании (*Muscovy Company* создана в 1553 г. в результате миссий в Московию Хью Уиллоуби (Hugh Willoughby, 1544–1554) и Ричарда Чэнслора (Richard Chancellor, ок. 1521–1556) для Польши.

Посольство Крыского в Англии продолжалось несколько месяцев. При английском дворе, молодость и эрудиция ренессансного интеллектуала В. Крыского принесли ему большую славу, он получил имя «*magnificus*»³². В Лондоне Крыский также встречался с английским кардиналом Поулем (Reginald от Pole, 1500–1558), от которого он привез своему королю письмо, датированное 12 июлем 1555 г. В своих частных беседах, о которых упоминал Сигизмунд Август в инструкциях, Крыский, убеждая в конформизме Москвы, очевидно, использовал и те доводы, которые ему уже были известны по первому посольству в Рим – о сжигании книг в Московии. Именно таким образом эта информация становится известной для английских путешественников, собиравших все возможные сведения при подготовке к миссиям в Москву [23, p. 352–358].

Выстраивается такая логическая цепочка имен и событий, которые способствовали передачи известного сюжета о сжигании книг в Москве: Инструкция Сигизмунда Августа 21/02/1553 Войцеху Крыскому в связи с миссией последнего в Рим; поездка Крыского в Лондон в 1555 г. и встреча с кардиналом Поулем; (возможная) его встреча с Уильямом Сесилем, сопровождавшем кардинала Поуля; подготовка посольства Томаса

³⁰ Мы нашли три такие инструкции в AGAD, *Libri legationum*, 15, см.: [15; 16; 17].

³¹ Инструкция датирована 13 марта 1555 г.

³² Не случайно В. Крыский разыскал ценные тексты первых книг *De re publica* Цицерона, которые впоследствии были у него украдены в дороге, см.: [21, s. 156].

Рэндольфа, начальником которого был Уильям Сесиль, в Москву и затем его пребывание в Париже с информированием Андре Тэве, включившего этот рассказ в свое повествование о Московии в «Des vrais portraits» по причине его важности (Тэве акцентирует, что приводит здесь лишь те факты о Московии, которые он не упомянул в своей «Cosmographie» и которые представляются ему особенно важными) [24, f. 389]; вовлечение в историю Дж. Флетчера при организации его московской дипломатической миссии в 1588–1589 гг. и, наконец, публикация им трактата «О государстве Русском». Эта последовательность возвращает нас к первоисточнику (Инструкция 21/02/1553) и отодвигает датировку случая со сжиганием книг к годам правления Сигизмунда I, таким образом, делая возможным путешествие Франциска Скорины в Москву в 1530-е гг.

Такое «связанное» восприятие, представленное здесь двумя известными сюжетами скориноведения, нам представляется перспективным в понимании общей картины преемственности и перетекания идей в интеллектуальном пространстве, в т. ч. и ренессансной Европы.

Библиографический список

1. Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык. СПб.: Тип. имп. АН, 1888.
2. Копреева Т. Н. Франциск Скорина и русская рукописная книжная традиция XV в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 61–70.
3. Лемешкин И. В. Франциск Скорина и Прага 1541 г. // Неман. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 8. Август, 2017. С. 128–149.
4. Немировский Е. Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск: Маст. літ., 1990.
5. Скорина Ф. Сказание впервые книги моисеовы рекомые быття. Бивлия руска. Прага, 1519.
6. Темчин С. Скорина и Пико делла Мирандола: Предисловие к 4-й Книге Ездры Маначинского библейского свода 1575–1577 годов и чешская Библия Мелантриха 1556–1561 годов // Slavica Slovaca, 2020, 55, № 3. Р. 479–481.
7. Флоровский А. В. Češská biblíja v istorii ruskoj kul'tury i pis'mennosti // Specimina Philologiae Slavicae. В. 77, ed. O. Horbatsch, G. Freidhot, P. Kosta. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1988. С. 153–258.
8. Францыск Скарына: зб. дак. і матэрыялаў. Прадм., уклад., камент., паказ. В. І. Дарашкевіча. Мінск: Навука і тэхніка, 1988. 351 с.
9. Францыск Скарына і яго час: энцыклапед. давед. І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск: БелСЭ, 1988. 608 с.
10. Францыск Скарына ў дакументах і сведчаннях / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад, А. А. Жлутка (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2020. 511 с.

11. Шутова О. М. «...Абы братия моя русь, люди посполитые, чтучи могли лепей разумети»: пристальное чтение и вопрос о символике Франциска Скорины. In: Груша, А. І. (ред.): Францыск Скарына: новыя даследаванні. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 126–160.
12. Шутова О. М. «Уликовая» парадигма в историографии: новые возможности // Францыск Скорина: личность, деятельность, современные образы. Ред. А. Груша. Минск: Национальная академия наук Беларуси, изд. «Белорусская наука», 2017. С. 74–102.
13. Шутова О. М. «Бивлия» Франциска Скорины и Италия: источники, влияния, вдохновения // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Междунар. науч. конф., Пинск, 29–30 мая 2019 г. Сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун и др. Минск; Москва, 2019. С. 598–606.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD), Libri legationum, 14, Instructio legati ad cuius præsriptum gene-rosus Albertus Kriski, orator regius ad Iulium III Pontificem Maximum in re Mosco-vitana orationem habuit. F. 234v – 239v.
15. AGAD, Libri legationum, 15: Instructio, secundum quam Legatus Serenissimi Poloniae Regis ad Serenissimum Angliae Regem, orationem suam instituet. F. 354r–357v.
16. AGAD, Libri legationum, 15: Instructio ad cuius præsriptum Magnus Albertus Kriski, Praefectus Dobrzinensis et Secretarius noster, cum Serenissimo domino Anglia Rega, nostro nomine acturus sit. F. 358r – 360v.
17. AGAD, Libri legationum, 15: Instructio ad cuius præsriptum Magnus Albertus Criski Praefectus Dobrzinensis et Secretarius noster, cum Serenissima Domina Anglia Regina nostro nomine acturus sit. F. 361r – 362r.
18. Biblij Czěská, w Benatkach tištěná. Venetia: Petrus Liechtenstein, 1506.
19. Ficino M. Marsilii Ficini philosophi platonici medici atque theologi omnium praestantissimi operum. Parisiis: G. Pelé, 1690. T. 2.
20. Ficino M. Platonic theology. Latin and English trans. by M. J. B. Allen, ed. by J. Hankins. The I Tatti Renaissance Library Cambridge: Harvard University Press, 2006. Vol. VI. Book 18.
21. Maciejewska W. Wojciech Kryski: sekretarz kancelarji królewskiej Zygmunta Augusta // Księga ku czci Oskara Haleckiego wydana w XXV-lecie Jego pracy naukowej, Warszawa: Nakł. uczniów, 1935, s. 143–156.
22. Mahé J.-P. La Renaissance et le mirage égyptien // From Poimandres to Jacob Böhme: Gnosis, Hermetism and the Christian Tradition / ed. Roelof van den Broeck, Cis van Heertum. Amsterdam: Brill, 2000.
23. Mund S. The discovery of Muscovite Russia in Tudor England / S. Mund // Revue belge de philologie et d'histoire, 2008. T. 86. P. 351–373
24. Thevet A. Des vrais portraits et vies des hommes illustres grecz, latins et payens en 8 vol. Vol. 2. Paris: I. Kervet et G. Chaudière, 1584. 407 p.
25. Vedova G. Biografia degli scrittori padovani. Padova: Tip. della Minerva, 1832. Vol. 1. 645 p.
26. Wojtyńska H. D. Papiestwo-Polska 1548-1563. Lublin: Towarzystwo naukowe Uniwersytetu Lubelskiego, 1977. 473 s.